

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ САКРАЛЬНОСТИ В ГОМИЛЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

С.М. Пашков

Ключевые слова: гомилетический текст, сакральность, текстообразование, текстообразующая категория, интертекстуальность

Keywords: homiletic text, sacredness, text formation text forming category, intertextuality

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–13](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–13)

Введение

Интерес лингвистики к религиозной коммуникации стимулируется, помимо прочего, интерпретативным характером реальности, актуальностью холистических воззрений на мир, а также аксиологизацией современного познания. Известно, что религия предлагает ценности, которым свойственна наивысшая степень защищенности от различного рода девальваций. В связи с этим неудивительно, что теоретический разум вновь и вновь пытается постичь суть религиозного сознания. Осмысление научной проблемы «Язык и религия» осуществляется в весьма разнообразных координатах: теолингвистика, религиозный дискурс, когнитивная ономастика, функциональная стилистика, лингвистика текста, перлокутивная прагматика и др. Особое внимание уделяется типам текста, репрезентирующим специфику религиозной коммуникации. Так, не снижается научный интерес к гомилетическому тексту (проповедь) [Герман, 2022; Ицкович, 2016; Hobbs, 2021 и др.].

Проповедь — религиозный текст назидательного характера. Данное определение является рабочим и будет уточнено в дальнейшем. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении сакральности в качестве текстообразующей категории гомилетических текстов, а также в разработке лингвистической классификации данных текстов.

Сакральность как текстообразующая категория проповеди

Анализ работ, посвященных гомилетическому тексту, свидетельствует о широком спектре интерпретативных решений относительно его генетических, структурных, семантических, коммуникативных и функциональных аспектов. Так, в русле теории дискурса проповедь рассматривается как вторичный жанр религиозного дискурса [Бобыре-

ва, 2007, с. 3], а в контексте функционально-стилистического исследования трактуется в качестве первичного жанра, или протожанра [Ицкович, 2016, с. 10]. Немалые трудности представляет попытка классифицировать гомилетические тексты, в связи с чем количество классификаций и объем номенклатуры возрастают.

В работе О.А. Прохвятиловой предлагается классификация современной православной проповеди по семи основаниям, позволяющая установить ее сущностные признаки. Представляется дискуссионным выделение проповедей-наставлений, «в основе которых лежит особый повод, *не связанный с местом в Библии либо церковным праздником*» [Прохвятилова, 2000] (курсив наш. — **С.П.**). Если проповедь не имеет связи (эксплицитной / имплицитной) с сакральным текстом (в данном случае с Библией), то ее отнесенность к религиозной коммуникации неправомерна. Данная проповедь принадлежит к иному дискурсу, например, педагогическому, либо к протрептикам — античным увещательным речам, имеющим характер поучительного наставления и породившим христианские проповеди [Лосев, Тахо-Годи, 2005, с. 206]. Рассмотрение же каждого слова священника с амвона в качестве проповеди — «злоупотребление словом» и «расслабление слова»; религиозная проповедь может быть только о Христе [Шмеман, 2009, с. 136].

К сущностным признакам проповеди среди прочего О.А. Прохвятилова предлагает относить боговдохновенность [Прохвятилова, 2000, с. 197], что также представляется спорным. Данный признак традиционно приписывается сакральным речевым произведениям. Кроме того, если принять положение о том, что *религиозная* проповедь может и не иметь связи с сакральным текстом (см. выше), то ее боговдохновенность становится еще более сомнительной. Иное дело, если гомилетический текст включает «сакральные языковые формы» (выражение В.Г. Адмони). Но и в этом случае вряд ли правомерно приписывать боговдохновенность всему проповедническому тексту, в противном случае сакральному тексту сообщается характеристика, присущая всем текстотипам, — тиражируемость.

Представляется весьма продуктивным изучение категориальных свойств гомилетических текстов. Исследования в данном направлении проводятся не одно десятилетие, однако актуальность проблемы категориального моделирования текста сохраняется [Щирова, Гурочкина, 2020].

В работе Т.В. Ицкович проповедь изучается в контексте категориально-текстового подхода: рассматривается языковая специфика репрезентации категорий темы, композиции, тональности и хронотопа [Ицкович, 2016]. Очевидно, что обращение к иным текстовым

категориям (например, адресованность, эмотивность и пр.), репрезентируемым в проповеди, также выявит их языковое своеобразие.

В исследовании Е.И. Герман текст проповеди также получает текстокатегориальное освещение. Автор рассматривает интенциональность в качестве текстообразующей (глобальной) категории проповеди, конституируемой посредством субкатегорий диалогичности, оценочности и тональности. Интенциональность реализует глобальное коммуникативное намерение говорящего — укрепить веру адресата в Бога [Герман, 2022, с. 8].

Отметим, что интенциональность не является сущностной характеристикой исключительно текста проповеди; она суть общетекстовое свойство. Текст — результат ментальной деятельности людей, или, как его определяет М.М. Бахтин, «выражение сознания, что-то отражающего» [Бахтин, 1986, с. 308]. Сознание всегда интенционально, иными словами, сознание всегда является «сознанием о...». Интенциональность сознания всегда предполагает направленность на цель. Рассмотрение макроинтенции проповеди как укрепление веры в Бога ничего специфического интенциональности данного текста не сообщает, поскольку эта интенция является определяющей для всего религиозного дискурса (Е.В. Бобырева, В.И. Карасик).

В настоящем исследовании проблема категориального моделирования текста решается посредством обращения к понятию текстообразующей категории, которая определяется следующим образом: **текстокатегориальная доминанта, запускающая механизмы текстообразования, предопределяющая языковую специфику иных текстовых категорий и обуславливающая типологическую квалификацию текста**. В качестве текстокатегориальной доминанты гомилетического текста рассматривается сакральность.

Категория сакральности получила определенное освещение в работе Г.А. Агеевой [Агеева, 1998]. Автор, опираясь на идеи В.Г. Адмони, постулирует некоторую обособленность от утилитарного языка, которая свойственна всем религиозным текстам. Эта обособленность видится как «специфическая категория сакральности», присущая исключительно религиозным речевым произведениям. Предлагается следующая дефиниция рассматриваемой категории — «совокупность определенных дифференциальных признаков, характеризующихся архаичной отмеченностью, отличающих текст религиозной проповеди от текстов других сфер общения». Автор пишет, что «семантическим признаком данной категории является религиозная вера, функциональным — воздействие на адресата» [Там же, с. 10–11].

Положительным в данной концепции видится признание текстокатегориального статуса сакральности. Представляется, однако, что ее определение, семантика и функциональная направленность довольно абстрактны. Во-первых, трудно согласиться с тем, что данная категория характерна только для религиозных текстов. Даже если не учитывать дифференцирование сакральных и религиозных текстов, категория сакральности является *sine qua non* для религиозно-критических текстов (например, атеистический текст [Пашков, 2024]). Во-вторых, функция воздействия на адресата свойственна не только сакральности (например, категория эмотивности, подтекста и пр.). В-третьих, понятие религиозной веры отнюдь не является очевидным (ср. понятие атеистической религиозности [Шохин, 2018, с. 16]).

В настоящей работе сакральность трактуется как текстокатегориальная доминанта, детерминирующая семантику и структуру сакральных, религиозных и религиозно-критических текстов, реализуемая посредством разноуровневых языковых средств и функционально направленная на репрезентацию особого типа знания — сакрального. Данный тип знания (в его языковой объективации) представляет собой трехкомпонентную семантическую структуру, инкорпорирующую семантику сакральной ономотологии (знание о Боге через Его Имена), сакральной императивности (знание об отношении Бога к человеку через Его заповеди) и сакральной эсхатологии (знание о посмертной участи человека) [Пашков, 2021, 2023]. Интегральным концептуальным основанием сакральных, религиозных и религиозно-критических текстов является бинарная структура, эксплицируемая дихотомией «имманентное — трансцендентное» и посредством вариативных семантико-структурных решений позволяющая автору воссоздать в данных текстах модель необходимого мира.

Думается, что предложенное понимание сакральности позволяет решить некоторые вопросы при осмыслении текста проповеди. Во-первых, тезис, согласно которому успешность проповеди определяется обязательным наличием веры у адресата [Бобырева, 2007, с. 31], достаточно категоричен; ведь проповедь может и лишить адресата веры. **Любой** гомилетический текст транслирует сакральное знание адресату, следовательно, выполняет свою функциональную заданность.

Во-вторых, текст проповеди вторичен по отношению к сакральному тексту. Последний заявлен в проповеди в виде сакральных интекстов (сакрально-ономатологические, сакрально-императивные, сакрально-эсхатологические). Под интекстом понимается включение на уровне слова, словосочетания и текста в иное текстовое пространство, оно мо-

жет быть языковым (специфическая лексика, грамматические формы, характерные для определенного функционального стиля) и текстовым (цитаты, аллюзии, перифразы и пр.) [Арнольд, 2010, с. 415]. Соответственно, проповедь и, шире, все религиозные / религиозно-критические тексты — суть интертексты, а интертекстуальность — общий механизм текстообразования. В логике данных рассуждений можно уточнить определение гомилетического текста, приведенное выше: проповедь — **интертекст, форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. Его функциональная направленность — трансляция сакрального знания с целью духовно-нравственной ориентации адресата.**

Поясним. Концептуализация сакральности может быть аксиологически и гносеологически вариативной. Если позитивная концептуализация характерна для религиозной коммуникации, то негативная — для религиозно-критической. Гносеологическая вариативность концептуализации сакральности предопределяется наличием «не равных, но равноценных» (В.С. Соловьев) форм постижения реальности: религии, искусства, философии и науки. Соответственно, можно вести речь о философской, художественной, научной и религиозной концептуализации сакральности. Особенностью религиозной концептуализации сакральности является апелляция к сакральному тексту как высшему авторитету в процессе обоснования валидности сакрального знания (ср. философскую концептуализацию сакральности в контексте философских категорий).

В-третьих, предлагаемая концепция сакральности позволяет построить классификацию гомилетических текстов на лингвистических основаниях (ср. классификации проповеди по месту и времени произнесения, по характеру аудитории и др.). Многочисленные виды проповеди, выделяемые на лингвистических и экстралингвистических основаниях, могут быть сведены к трем видам в зависимости от превалирования типа репрезентируемого ими сакрального знания (ономатологические, императивные, эсхатологические). Любая проповедь эксплицитно / имплицитно свидетельствует либо о Боге, либо о Его отношении к человеку, либо о конечных судьбах человека и мира. Ср.: «Whatever the type, the sermon is a time when members of a religious community are given instruction in a sacred text» [Hobbs, 2021, p. 48].

Разумеется, что о содержательной «чистоте» проповеди говорить не приходится; текст может репрезентировать различные типы сакрального знания. Речь можно вести лишь о превалировании того или иного репрезентируемого сегмента сакральности.

Методы и материалы исследования

Выше было упомянуто, что изучение сакральности как фактора порождения текстуально организованного знания соотносится в статье с теми лингвистическими исследованиями, в которых общим механизмом текстообразования рассматривается интертекстуальность (С.В. Ионова, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская). Этот механизм имеет вариативную реализацию как в рамках определенной коммуникации, например научной, так и в отдельных типах текста, отнесенных к конкретной сфере общения. Так, богослужебный текст, реализуемый в религиозной коммуникации, представляет собой интертекст; в качестве частного механизма текстообразования в нем выступают цитация и перифраза, причем сакральное знание не подвергается интерпретации [Пашков, 2023]. Частным механизмом порождения текста проповеди рассматривается позитивно-религиозная интерпретация сакрального знания посредством апелляции к сакральному тексту (Священному Преданию) и включением в современный социокультурный контекст (политический, экономический, образовательный, семейный, исторический, религиозный и пр.), являющийся общим для адресанта и адресата (ср. «...some conversation between contemporary concerns and scripture is included in every sermon» [Bartlett, 1995, p. 433]). Интерпретируя сакральное знание и сопоставляя его с современными реалиями, адресант ориентирует адресата в его духовно-нравственных поисках.

Лингвистический анализ содержательно-смысловой организации текста проповеди предопределен репрезентируемым в нем сакральным знанием. Соответственно, необходимо обратить внимание на языковые средства, репрезентирующие сакральное знание: 1) тип репрезентируемого сакрального знания; 2) способы включения сакральных интекстов в текст проповеди (цитация, перифраза, аллюзия); 3) структура интекста (слово, предложение, текст).

Применение понятия структуры к тексту позволяет видеть в нем «глобальный способ организации объекта как некой целостной данности». Текстовая структура описывается в трех ракурсах: 1) элементы, материализующие структуру; 2) отношения между данными элементами; 3) целостность объекта [Тураева, 1986, с. 56]. Фундаментальным принципом структурной организации гомилетического текста рассматривается его построение по принципу контраста. Причем контраст — это не только принцип, но и языковой результат реализации данного принципа. Учитывая вышеприведенное понимание структуры текста, правомерно утверждать следующее: базовый текстовый контраст рассматривается в качестве целостности гомилетического текста. Эта це-

лостность реализуется посредством языковых средств, репрезентирующих три категориальных сегмента сакральности и семантически соотносимых с ними языковых средств, противоположной (окказиональной / узуальной) эмоционально-оценочной направленности. В связи с этим положением целесообразно включить в анализ: 1) языковые единицы с абстрактной и конкретной семантикой, репрезентирующие социокультурные реалии, соотносимые с сакральным знанием; 2) языковые средства субъективной модальности (оценочная лексика, эмотивы, модальные глаголы), репрезентирующие эмоционально-оценочное противопоставление сакрального знания несакральному.

Выше упоминалось, что текст проповеди может репрезентировать различные аспекты сакральности, однако анализу подвергается лишь его сакральная доминанта, т.е. превалирующий тип сакрального знания. Видение текстовой ситуации в разных ракурсах, напоминает Е.С. Кубрякова, определяется тем, что в зависимости от личных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали или разные компоненты ситуации [Кубрякова, 2000, с. 91].

Верификация выдвинутых положений достигается с помощью методов интертекстуального, дефиниционного, лингвостилистического и контекстуального анализов. Материалом исследования является антология проповедей выдающихся теологов XX века («Modern Sermons by World Scholars»).

Результаты исследования Репрезентация сакральной ономотологии

Любая интерпретация библейского знания о Боге предполагает учет тезиса, согласно которому Бог непознаваем в Своей сущности. Однако Бог причастен миру через нетварные энергии, которые раскрываются Его Именами (Святой, Всемогущий, Вездесущий, Вечный и др.) [Лосский, 2012, с. 114].

Рассмотрим ономотологическую проповедь Дж. П. Бентона «The Fact, Eternity and Character of God» (Дж.П. Benton. 1909). Если обратиться к традиционной номенклатуре, данную проповедь можно квалифицировать как догматическую, апологетическую и экзегетическую. Анализируемый текст является результатом включения в речемыслительную деятельность автора сакрального знания с последующей его позитивно-религиозной интерпретацией. Текст сфокусирован на сакральной ономотологии, что подтверждается, в частности, его сильными позициями — названием и эпиграфом.

Эпиграф проповеди реализуется сакрально-ономатологическим интекстом, представляющим собой цитату из Апокалипсиса.

(1) «*Holy, holy, holy, Lord God Almighty, which was, and is, and is to come*» (Дж. П. Benton. 1909. P. 91).

В данном интексте Имена Бога репрезентированы словоформой *Holy* и словосочетанием *Lord God Almighty*. В проповеди имеется также целый ряд иных Имен, репрезентированных либо словом, либо словосочетанием: *God, Creator, I am that I am, Son, Spirit, Comforter, Master, Almighty God, Savior, the Holy Spirit, Jesus Christ, Son of God, the Holy Ghost, Lord, the mighty God, the everlasting Father, the Prince of Peace, Heavenly Father*. Все эти Имена зафиксированы в сакральном библейском тексте (King James Bible), соответственно, представляют собой цитаты. Помимо цитирования, в проповеди широко представлены перифразы сакральной ономатологии. Ср.:

«*God is a spiritual essence*» (Spirit);

«*All the forces of nature are in His grasp*» (Almighty);

«*He has reigned from the beginning and shall rule in loving justice through the unending ages of the future*» (Eternal) и др.

Анализ содержания проповеди свидетельствует о центральном положении Имен *Almighty* и *Creator*. Имя *Creator* является вторичным, поскольку Бог предвечно Всемогущий, но не предвечно Творец (ср. [Лосский, 2012, с. 425]). Всомогущество проявляется в способности творить из ничего (*creatio ex nihilo*), прощать грехи и воскрешать. Эти аспекты всемогущества подкрепляются сакральным текстом и цитируются проповедником (Дж.П. Benton. 1909. P. 107–108, 109).

В тексте проповеди библейское знание о Боге включается в широкий социокультурный контекст (несакральное знание). Так, идея творения противопоставляется эволюционным концепциям происхождения мира и человека, репрезентируемым языковыми единицами с абстрактной (*the Darwinian theory, the doctrine of Christian evolution, higher orders of existence, various stages*) и конкретной (*missing links, embryo, tadpole, frog, mouse, ape*) семантикой. Проповедник критикует классический дарвинизм, а также христианский эволюционизм, в значительной степени определяющие интеллектуальный контекст конца XIX — начала XX века, т.е. эпохи, к которой принадлежат автор проповеди и его адресат. Ср.:

(2) «*<...> the doctrine of Christian evolution can never be accepted by those who seek secure foundation for their belief*» (Дж.П. Benton. 1909. P. 93).

Модальный глагол *can* в контексте отрицательного наречия *never* репрезентирует отрицательное отношение автора к эволюционным идеям.

Контрастивные смысловые ряды выстраиваются также посредством соотнесения библейского знания о Боге с иными религиозно-этическими учениями: Египта (*Egyptian belief, animal worship, Nuk Pu Nuk, sacred bulls, sarcophagi, mummies*); Персии (*Zoroastrianism, Zend-Avesta, dualism*); Индии (*Brahmanism, religion of caste, Brahma*); Британии (*Druidism, priestly Druids, revered oaks, venerated mistletoe*). В этот список включаются также буддизм (*Buddhism, Buddha, Nirvana, repose of unconsciousness*), конфуцианство (*Confucianism, Confucius*) и ислам (*Mohammedanism, Mohammed*). Перечисленные религиозные системы в тексте рассматриваются проповедником в качестве несакрального знания, а языковые средства их репрезентации характеризуются окказиональной отрицательной оценочностью.

(3) «*But all these religions have failed to satisfy the longings of the human heart, and while many followers of each have held on with attempted earnestness of belief because of superstitious ignorance, and lack of knowledge of a better substitute, yet death has had a horror for the disciples of all these because all were man-made, all were human products*» (Дж.П. Benton. 1909. Р. 98).

В микроконтексте № 3 небиблейское учение о Боге трактуется как результат суеверного невежества (*superstitious ignorance*) и отсутствие знания (*lack of knowledge*). Эти словосочетания с узуальной отрицательной оценкой, а также нейтральные в узусе лексемы *man-made* и *human products*, приобретающие в анализируемом тексте окказиональную отрицательную направленность, позволяют автору-христианину расставить необходимые аксиологические акценты. Только библейское знание о Боге истинно, Он открывается человеку, а не человек повествует о Нем (*not through the mouth of man*). Ср.:

(4) «*Our God is no man-made product, for He was made before anything was made that was made. He spoke first, not through the mouth of man, but from His own eternal throne in the heavens His voice sounded the command, 'Let there be light, and there was light'*» (Дж.П. Benton. 1909. Р. 99).

Важно подчеркнуть, что аргументация валидности сакрального знания реализуется исключительно посредством апелляции к сакральному тексту, что, собственно, отличает религиозную концептуализацию данного явления. Так, в приведенном микроконтексте тезис о вечности библейского Бога верифицируется самим же библейским текстом — ссылкой на книгу Бытия (*Let there be light, and there was light*).

Репрезентация сакральной императивности

Сакрально-императивное знание рассматривается как знание об отношении Бога к человеку. В тексте Библии это отношение транслиру-

ется через определенные речения, которые получили название **заповеди**. Для религиозного сознания аксиоматично положение о том, что духовно-нравственная регуляция исходит от Бога, а не является результатом социальной практики человека. Это положение однозначно формулируется в сакральном тексте и разделяется на уровне всего религиозного дискурса [Бобырева, 2007, с. 3]. Заповеди в определенной степени отражают особенности взаимодействия Бога с тварным миром. Соответственно, сакральная императивность рассматривается логическим следствием сакральной ономотологии, а семантика языковых средств, репрезентирующих эти два аспекта сакральности, характеризуется системностью.

Обратимся к императивной проповеди Дж. С. Чейза «Altruism» (G.C. Chase. Altruism. 1909. P. 115-131), которая в существующих классификациях относится к категории нравоучительных текстов.

Концептуализация сакральной императивности маркируется сильными позициями текста. Название *Altruism* сигнализирует о том, что в тексте интерпретируется заповедь, регулирующая поведение человека по отношению к ближнему / *altruism*: 'unselfish regard for or devotion to the welfare of others' (Merriam-Webster)/. Дефиниционные компоненты *others* и *welfare* исключают возможность рассмотрения текста как результат осмысления заповедей по отношению к Богу и самому себе.

Цитата-текст из Нового Завета, вынесенная в позицию эпиграфа (*Look not every man on his own things, but every man, also on the things of others*), подтверждает семантику проповеди — сакральная императивность. Автор призывает думать о своем ближнем, а не только о себе, воспроизводя одну из важнейших библейских заповедей (любовь к ближнему). На протяжении всего текста данная цитата в разном объеме воспроизводится либо перифразируется (*Look also on the things of others, care for others, look upon the things of others, the things of others*).

Заповедь любви репрезентируется также рядом кореферентных лексем с абстрактной семантикой (*law, command, commandment, principle*). Так, эпитеты *greatest* и *divine* характеризуют лексему *law*, сообщая ей окказиональную положительную оценку (*greatest law of conduct, divine law*).

(5) «*Perhaps the most tangible, constant and palpable of our own things are our bodies. It is as if the words were, Give attention not solely to your own aches, pains, and ailments, to your own good looks, bearing and clothes, to your own house and home, to your own hunger, health, shelter, and rest, but also to the ailments, sufferings, deprivations, and deficiencies of others*» (G.C. Chase. Altruism. 1909. P. 116).

В приведенном фрагменте заповедь любви к ближнему конкретизируется посредством лексем, репрезентирующих различные лишения человека (*ailments, hunger, sufferings, deprivations, deficiencies*), к которым не следует оставаться равнодушным.

В тексте проповеди референция к современному социокультурному контексту осуществляется с помощью лексем темпоральной семантики (*age, to-day, twentieth-century*).

(6) «*But scarcely for an hour in this eager, grasping age can we escape collisions between ourselves and some one of our fellow mortals*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 115).

В микроконтексте № 6 описываемая эпоха характеризуется как алчная; эпитет *grasping*, соположенный с лексемой *age*, сообщает последней эмоционально-отрицательную направленность /‘desiring material possessions urgently and excessively and often to the point of ruthlessness’ (Merriam-Webster)/. Отношения людей резко контрастируют с теми, которые Бог заповедует в Своих заповедях. Идея жестокости акцентируется указанием на интенсивность столкновений между людьми (*collisions*) во время коммуникации, а гипербола (*for an hour*) и стилистическая инверсия (*scarcely... can we escape...*) позволяют выразить эту мысль более экспрессивно.

Базовый текстовый контраст реализуется языковыми единицами абстрактной семантики (*cross-purposes, clashing, self-indulgent, hypocrisy, rascality, hypocrites, egoism, conceit, robbery, fraud, violation, neglect, self-satisfaction, disdain*), которые эмотивно и аксиологически противопоставляются лексемам *altruism, fellowship, kindness, virtues, politeness, honesty*.

(7) «*It is the neglect of the men of genius, of wealth, of power, and of opportunity to ‘look upon the things of others’ that is in large measure responsible for the social discontent, the bitterness, prejudice, and blind anger are threatening with destruction our twentieth-century civilization*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 125-126).

В приведенном фрагменте описываются социальные неурядицы XX века (*discontent, bitterness, prejudice, anger*), вызванные несоблюдением заповеди любви (*look upon the things of others*).

(8) «*The ground for lasting peace among men must be found in the loving consciousness of the fatherhood of God and the brotherhood of men*» (G.C. Chase. *Altruism*. 1909. P. 130).

В микроконтексте № 8 постулируется, что длительный мир (*lasting peace*) на земле возможен, если следовать заповедям Бога, важнейшие из которых любовь к Нему (*loving consciousness of the fatherhood of God*) и лю-

бовь к ближнему (*brotherhood of men*). Эта обусловленность акцентируется модальным глаголом *must*, который выражает строгое долженствование.

Репрезентация сакральной эсхатологии

Эсхатология может пониматься по-разному, однако общим представлением рассматривается различие нынешнего, физического мира (*this world*) и мира потустороннего, будущего (*the world to come*) [Wierzbicka, 2001, p. 17]. Соответственно, под сакрально-эсхатологическим знанием понимается знание о бытии человека после его биологической смерти.

Проанализируем текст эсхатологической проповеди У.Г.П. Фаунса «*The Life Beyond*» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 195–206). Сакрально-эсхатологическое знание текста репрезентируется его сильными позициями — названием и эпиграфом. Семантика лексемы *beyond* свидетельствует о явлении, которое выходит за рамки экзистенциально-го опыта человека. Ср.:

— *beyond* (1 ступень анализа): ‘something that lies outside the scope of ordinary experience.’ *specifically*: hereafter;

— *hereafter*: (2 ступень анализа): ‘an existence beyond earthly life’ (Merriam-Webster).

Соположенность лексемы *beyond* с лексемой *life* сообщает последней окказиональный сакральный смысл и предопределяет семантику всего текста. Сакрально-эсхатологический интекст из Евангелия от Марка в сильной позиции эпиграфа (*Questioning one with another what the rising from the dead should mean*) реализуется цитатой-предложением и репрезентирует важнейший смысл библейской эсхатологии — воскресение из мертвых (*the rising from the dead*).

Сакральное знание о воскресении и жизни после смерти репрезентируется в тексте множеством лексем и словосочетаний, представляющих собой либо цитаты, либо перифразы сакрального библейского текста (*risen life, rising from the dead, immortality, eternal life, heaven, hereafter, heavenly kingdom, to rise from the dead*).

В проповеди библейское учение о воскресении осмысливается посредством противопоставления небиблейскому учению о возникновении жизни и ее конечной судьбе. Данная соотнесенность реализуется языковыми средствами различных семантических групп, прослеживается на всем текстовом пространстве и обеспечивает структурное своеобразие исследуемого текста.

(9) «*What shall the rising from the dead mean to us? It means, first of all, that this visible earthly life is only a small section of our real life. The quality of*

a life which believes itself immortal is essentially different from the quality of a life which believes that death is a blank wall with nothing on the other side» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 195).

В приведенном микроконтексте земная жизнь (*earthly life*) противопоставляется настоящей жизни (*real life*). Атрибуты *small* и *real*, квалифицирующие земную и посмертную жизнь соответственно, наделяются противоположной оценочной направленностью. Семантика лексемы *small*, интенсифицируемая частицей *only*, характеризуется окказиональной отрицательной оценкой, а семантика лексемы *real* — окказиональной положительной оценочностью.

Темпоральная концептуализация жизни как таковой позволяет автору текста выстраивать оппозитивные смысловые ряды, репрезентируемые языковыми единицами с темпоральной семантикой. Данные языковые средства, в свою очередь, обеспечивают моделирование современных реалий, в контексте которых осмысляется сакрально-эсхатологическое знание. Так, лексемы *yesterday*, *morning*, *today* и *tomorrow* лишены эмотивной и оценочной семантики. Однако их включение в сакрально-эсхатологический контекст способствует смысловым усложнениям.

(10) «*The religious man is one that believes in God's great to-morrow, believes that no sad memories of yesterday can spoil it, that no obstacles of this morning can hinder its coming, but that in the bright to-morrow the meaning of yesterday and to-day shall stand revealed*» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 197).

Все трудности земной жизни преодолеваются и объясняются, если имеется перспектива посмертной жизни. Единицы *great* и *bright*, актуализирующие в тексте эмотивную семантику и соположенные с лексемой *to-morrow*, сообщают последней положительную эмоционально-оценочную направленность. В случае с лексемами *yesterday* и *to-day*, репрезентирующими земную жизнь, наблюдается обратное. Отрицательная эмотивная семантика прилагательного *sad* иррадирует на нейтральную семантику рассматриваемых наречий.

Противопоставление лексем с темпоральной семантикой поддерживается противопоставлением языковых единиц с конкретной семантикой, репрезентирующих реалии эпохи создания проповеди. Все это позволяет представить современный социокультурный контекст в его целостности.

(12) «*But Easter should bring to us not only more positive faith in the grandeur of man's future; it should bring to us a more spiritual, and so more sensible, conception of the future life than that which has for centuries prevailed in the Christian Church. Many of our religious leaders are puzzled to-day because*

the public mind is no longer interested in heaven. The old hymn-books were filled with meditations on the hereafter, while our modern hymnals give the same space to calls to the service of humanity» (W.H.P. Faunce. 1909. P. 200).

Лексемы с конкретной семантикой *hymn-books* и *hymnals* репрезентируют известные артефакты. Их аксиологическая нейтральность в узусе нивелируется контекстуальной противоположной оценочностью лексем *hereafter* и *humanity*. Данная интерпретация подтверждается сравнительными оборотами: лексемы *hereafter* и *future* кореферентны, последняя же соположена с единицами положительной оценки (*more positive, more spiritual, more sensible*), образуя вместе с ними единый положительный эмоционально-оценочный ряд. Этот смысловой акцент усиливается также включением средств субъективной модальности, в частности, модального глагола *should*. Интенция автора не вызывает у читателя сомнений: в первую очередь следует думать о вечности, личной и всеобщей эсхатологии, а не о проходящем.

Заключение

Подведем итог. Сакральность как универсальная категория религиозного сознания была спроецирована на гомилетический текст и рассматривалась в качестве текстообразующей доминанты, предопределяющей его семантику, структуру и функциональную направленность. Данный тип текста был проанализирован с позиций теории интертекстуальности и определен как интертекст и форма позитивно-религиозной концептуализации сакральности. В зависимости от превалирования типа сакрального знания были изучены семантико-структурные особенности оноματοлогической, императивной и эсхатологической проповедей. Предложена схема анализа содержательно-смысловой и структурной организации гомилетических текстов. Показано, что все три категориальных сегмента сакральности репрезентируются в анализируемых текстах, а в основе их структурной организации задан базовый текстовый контраст.

Библиографический список

Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: на материале современных немецкоязычных проповедей: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Иркутск, 1998. 18 с.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 443 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 442 с.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Волгоград, 2007. 44 с.

Герман Е.И. Реализация интенциональности в нравоучительной православной проповеди: категориально-текстовый аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2022. 27 с.

Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Екатеринбург, 2016. 42 с.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. 585 с.

Пашков С.М. Языковые средства репрезентации категории сакральности (на материале англоязычного текста Библии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 168–174.

Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 90–99.

Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозно-критической коммуникации (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2024. Вып. 3 (67). С. 61–72.

Прохватилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 495 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Шмеман А. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.

Шохин В.К. Феномен атеистического фидеизма // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1 (2). С. 6–18.

Щирова И.А., Гурочкина А.Г. Проблема категорий текста: сложность, динамика и некоторые перспективы решения // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект. М., 2020. С. 162–163.

Hobbs V. An Introduction to Religious Language Exploring Theolinguistics in Contemporary Contexts. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2021. 215 p.

Bartlett D. L. Sermon // Concise Encyclopedia of Preaching, editors Willimon W. H., Lischer R. Louisville: Westminster John Knox Press, 1995. P. 433-437.

Wierzbicka A. What Did Jesus Mean? Oxford: Oxford University Press, 2001. 509 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Benton G.P. The Fact, Eternity and Character of God // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 1. Ed. R. Scott & W. C. Stiles. the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 91-111.

Chase G.C. Altruism // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 2. Ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 115-31.

Faunce W.H.P. The Life Beyond // Modern Sermons by World Scholars. Vol. 3. Ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA: FUNK& WANGALLS COMPANY, 1909. P. 195-206.

Merriam-Webster. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com/>

References

Ageeva G.A. Religious sermon as a specific type of linguistic communication: Based on modern German-language sermons. Abstract of Philol. Cand. Diss., Irkutsk, 1998, 18 p. (In Russian).

Arnold I.V. Semantics. Stylistics. Intertextuality, Moscow, 2010, 443 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, Moscow, 1986, 442 p. (In Russian).

Bobyreva E.V. Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox doctrine). Abstract, Volgograd, 2007, 44 p. (In Russian).

German E.I. Realization of intentionality in moralizing Orthodox sermon: categorical-textual aspect. Abstract of Philol. Cand. Diss., Perm, 2022, 27 p. (In Russian).

Itskovich T.V. Genre system of religious style on communicative-pragmatic and categorical-textual grounds. Abstract of Doct. Philol. Diss., Ekaterinburg, 2016, 42 p. (In Russian).

Kubryakova E.S. On the concepts of place, object and space. *Logicheskiy analiz yazyka*. Yazyki prostranstv = Logical analysis of language. Languages of spaces, Moscow, 2000, pp. 84–92. (In Russian).

Losev A.F., Takho-Godi A.A. Platon. Aristotel, Moscow, 2005, 392 p. (In Russian).

Lossky V.N. An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology, Sergiev Posad, 2012, 585 p. (In Russian).

Pashkov S.M. Language means of representing the category of sacredness (based on the English-language text of the Bible). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Theory and practice issues, 2021, vol. 14, no. 1, p. 168–174. (In Russian).

Pashkov S.M. Sacredness as a factor of text formation in religious communication. = Bulletin of Moscow State Regional University, 2023, no. 1, pp. 90–99. (In Russian).

Pashkov S.M. Sacredness as a factor of text formation in religious-critical communication (based on the English language). *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universi-teta im. N.A. Dobrolyubov* = Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 2024, iss. 3 (67), pp. 61–72. (In Russian).

Prokhvatilova O.A. Speech organization of sounding Orthodox sermon and prayer. Theses of Doct. Philol. Diss., Volgograd, 2000, 495 p. (In Russian).

Turaeva Z.Ya. Text linguistics (Text: structure and semantics), Moscow, 1986, 127 p. (In Russian).

Shmeman A. Collection of articles, 1947–1983, Moscow, 2009, 896 p. (In Russian).

Shokhin V.K. Phenomenon of atheistic fideism. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii* = Works of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy, 2018, no. 1 (2), pp. 6–18. (In Russian).

Shchirova I.A., Gurochkina A.G. The problem of text categories: complexity, dynamics and some prospects for solution. *Lingvisticheskii forum 2020: Yazyk i iskusstvennyy intellekt* = Linguistic forum 2020: Language and artificial intelligence, Moscow, 2020, pp. 162–163. (In Russian).

Hobbs V. An Introduction to Religious Language Exploring Theolinguistics in Contemporary Contexts, Great Britain: Bloomsbury Academic, 2021, 215 p.

Bartlett D.L. Sermon. *Concise Encyclopedia of Preaching*, Westminster John Knox Press, 1995, pp. 433–437.

Wierzbicka A. What Did Jesus Mean? Oxford, 2001, 509 p.

List of Sources

Benton G.P. The Fact, Eternity and Character of God. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 1, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 91-111.

Chase G.C. Altruism. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 2, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 115-31.

Faunce W.H.P. The Life Beyond. *Modern Sermons by World Scholars*, vol. 3, ed. R. Scott & W. C. Stiles, the USA, 1909, pp. 195-206.

Merriam-Webster. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/>